

дей, одухотворена, поэтизирована, а в „Молении“, согласно с христианскими воззрениями, лишь подает моральный пример. „Моление“ не чуждается книжных образов, отдельных книжных тем. „Моление“ произведение безусловно книжное и вместе в тем в известной мере возникшее на началах народного творчества.

Даниил — это своего рода „интеллигент“ древней Руси XII—XIII веков, „интеллигент“, принадлежащий к эксплуатируемым слоям общества.

„Кто бы ни был Даниил Заточник, — писал В. Г. Белинский, — можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей свое превосходство, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и снедается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают ее со свету и, наконец уморивши, снова начинают хвалить“.¹

Даниил только учился у скоморохов, но сам он скоморохом не был. Вот почему юмор Даниила так близок к юмору народному и очень своеобразен. Сам по себе Даниил мог быть холопом, мог быть и дворянином, он мог просить князя не о подачке, а об избавлении из заточения. Вся его самохарактеристика и все упоминаемые им в его „Молении“ детали его биографии могли быть вполне реальными фактами. Важно, однако, что в своем „Молении“ Даниил отразил стиль представителей народного юмора — скоморохов. Вот почему „Моление“ вызывало к себе такой активный интерес у русских читателей, всё время дополнявших и переделывавших это произведение, но неизменно делавших это „в стиле“ самого „Моления“, безошибочно угадывавших его стиль, тип его юмора, бывшего у всех на виду, — юмора скоморошеского.

Холоп или дворянин, Даниил нашел средства отшутиться у князя, нашел привычный путь шуткой вымолить себе „милость“ в виде ли материальной поддержки, или прощения, он нашел его в той среде, которая была столь близка к народу и князю.

Искусство скоморохов в древней Руси вызывало подражание, о чем выразительно свидетельствует одно найденное Л. С. Шептаевым место в „Почении“, приписываемом Иоанну Златоустому: „Аще бо кто пустошник глумяся что изрече, тогда вси болма восмеются. Подобает бо злословного кощуника биюще отгнати, но зряще чудятся... друзии же мзды игроцом дают... не токмо дивятся зряще, но и словеса их изучили, да егда в пиру или инде где соберутся... все вещают: се глаголет он си скоморох или он си кощуник и игрец“.²

Кем бы Даниил ни был — холопом или „дворянином“ (в значении, свойственном XII—XIII векам), он во всяком случае вышел из низших слоев общества, принадлежа к тем его представителям, которые могут быть названы княжескими „милостниками“.

Если автор „Слова о полку Игореве“ мог быть дружинником или боярином, выражая тем не менее народную точку зрения, то Даниил ни тем, ни другим быть не мог. Отождествить свой стиль со стилем скоморошским, заставить смеяться над собой, балагурить и выпрашивать у князя „ми-

¹ В. Г. Белинский. Русская народная поэзия. Отечественные записки, 1841, т. XIX, № 11, стр. 19—20.

² Л. С. Шептаев. Русский рашник XVII века. Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института, т. 87, 1949, стр. 36.